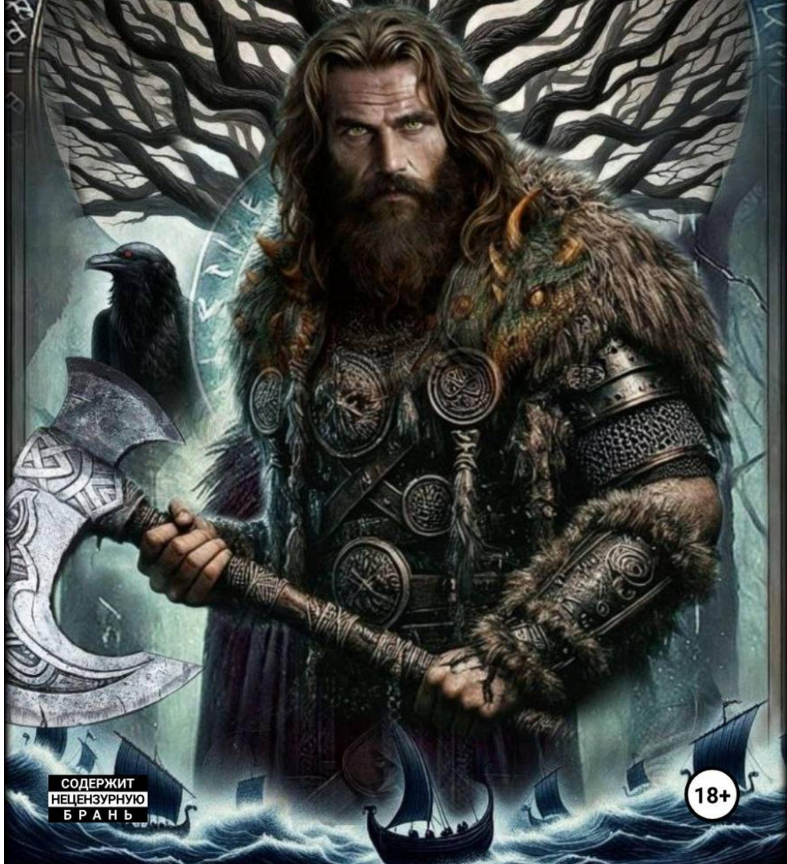

Николай Мокроусов

МОНСТРУМ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Мокроусов

Монструм

<https://litres.ru/74269718>

SelfPub; 2026

Аннотация

Мордрем некогда был человеком, чьё имя произносили с ужасом. Воином, оставляющим за собой лишь кровь и пепел, его боялись враги и уважала дружина. Будучи порождением своего времени, он был безжалостен в мире, где милосердие считалось слабостью, а жестокость была единственным языком, который признавали люди. В мире, где уважение добывалось не добротой, а страхом, где характер человека закалялся с холодной сталью в руках. Но однажды все изменилось, и он потерял не только самого себя, но и все, чем он когда-либо дорожил. Он осознал, что порой самый страшный враг смотрит на тебя из отражения в воде, он говорит твоим голосом, и он рождается из твоих собственных жутких поступков. Жестокое прошлое не отпускает тех, кто слишком глубоко погряз во мраке. Ему предстоит понять, что порой сложные противостояния происходят не только там, где сталкиваются люди, но и там, где человек остаётся один на один со своими демонами.

Содержание

Глава 1. Безжалостный.	4
Глава 2. Рыцарь и Дева.	27
Глава 3. Делай, что должен и будь что будет	63
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Николай Мокроусов

Монструм

*Наступят дни, когда ты будешь
полон горечи и скорби,
придет тот час, когда ты будешь
неистово искать смерти, но не
найдешь ее.*

*Наступят дни, когда ты будешь
страстно желать
встречи с ней, но она, лишь
усмехнувшись, отвернется от тебя.
Ибо отныне ты более не достоин ее
благословения и посему,
быть тебе всеми гонимым, всеми
ненавистным, всеми порицаемым и
забытым.*

*Таков будет твой удел отныне и во
веки веков.*

Таков удел проклятых...

Кайн, первый проклятый

Глава 1. Безжалостный.

Отчего россыпи звезд, что на небе ночном так недостижимы? Отчего они так холодны, но и с тем же столь пленительно прекрасны? Отчего я не могу вознестись к вам, и, будучи

в умиротворении раствориться без остатка и сожаления в вашей благодати?

Шелест колышущегося камыша и безмятежная гладь воды – все в округе было на своем месте, все, кроме меня. Неторопливо ступая по старому помосту, я то и дело испытывал некое чувство стыда от того, что на каждый мой тяжелый шаг раздавался отвратительный скрип досок. Мне казалось, что я вот-вот спугну то спокойствие, что царило всюду. Спокойствие, которого так не доставало внутри меня самого. В моем израненном сердце и безумном рассудке царила боль и смятение... и я не знаю, как мне быть со всем этим.

И в тот момент, когда я был в конце старенького помоста и вот уже собирался присесть у его края, как доски, что были подо мной издали громкий скрежет, а затем послышался не менее громкий хруст. Я замер, прикрыв глаза как можно сильнее. Мне стало совестно от того, что я так неуклюж и шумен, я словно почувствовал как само мироздание в тот момент устремило свой взор на меня, на нерасторопного невежу, что решил столь шумно устроиться тут.

В отражении озера звезды были так близки ко мне, что я мог протянуть к ним руку и поймать их в ладони. В какой-то момент я так и сделал, но затем все же передумал, прежде чем успел коснуться воды. В голове пронеслась странная мысль: «Достоин ли я после того, что видел, после того, что сотворил...»

– Где же ты, папа? – послышался усталый и печальный

голос. — Отчего я не могу помочь тебе, обладая всей этой силой? — разлетелся далеким эхом голос моей дочери.

— Отныне я потерял и не хочу быть найденным, да и какой от меня теперь толк? Я вновь утратил любимую женщину, лишился старых друзей, которых знал не одно столетие, утратил сына, мой дом разрушен. Испокон веков, как только мы стали семьей, я оберегал всех вас, а сейчас я не способен ровным счетом ни на что, перед лицом угрозы, ранее невиданной мной. В ту ночь, когда Люцифер явился к нам и устроил бойню, я с горечью осознал свою беспомощность.

— Папа, не сдавайся, прошу тебя, ведь ты так сильно нужен мне. Борись, сражайся, прошу тебя, не сдавайся, не покидай меня.

— Вся моя жизнь это череда битв, которым не было и не будет ни конца, ни края. Я устал сражаться, дочь, устал, но я буду это делать ради тебя, и за тебя. Я найду в себе силы, но для этого я должен понять к чему я пришел и куда мне двигаться дальше. Я должен вспомнить с чего я начал, увидеть путь, проделанный мной, расстояние которому — сотни человеческих жизней.

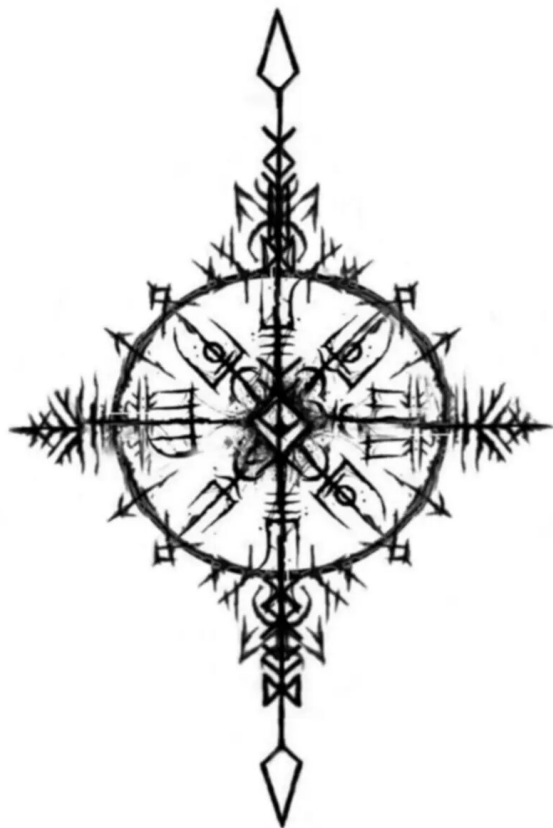
Лютая ненависть стала жечь меня изнутри, и кажется, что ничего другого во мне не осталось. Я жил как завещали нам великие боги: кроваво и без страха в своем сердце. Я строго соблюдал их заветы, я делал все правильно. И если так, то тогда почему вы, боги, отвернулись и покинули меня?

«Люди боятся и ненавидят таких как я. Я не стану лука-

вить, будто на то нет никаких причин. Они есть и весьма, **ВЕСЬМА** кровавые, но, тем не менее, не все мы, проклятые, одинаковые. Нас презирают, несмотря ни на что, хотя однажды мы были такими же, как они. Я однажды был человеком. Большинство тех, кого постигла моя участь, всеми силами чего бы им это не стоило, стараются сохранить в себе хотя бы малую толику человечности, и все это несмотря на то, что этой самой пресловутой «человечности» нет и в большинстве самих людей. Но кому есть дело до всего этого, если ты не такой как все? Всем плевать! Все всё уже решили за нас, заклеив нас монстрами. Монстрами, которыми движут лишь злоба и жажда чужой крови. Хотя честно признаться, во всем этом я вижу немалую долю иронии, злую шутку судьбы, если угодно, так как монстром я был именно тогда, когда был человеком. И как бы то дико и безумно не звучало, лишь став чудовищем, я вновь обрел то, что утратил очень и очень давно: сострадание, милосердие и человечность. Ведь как я уже обмолвился ранее, у судьбы, или быть может, богов, скверное чувство юмора, и будь я проклят еще тысячу раз, если не сам избрал этот путь. Я не лицемер, и не стану винить кого-либо в том, что случилось со мной, кроме себя самого», — с тяжелым сердцем размышлял я, пока не ощутил непреодолимое желание заглянуть в водную гладь, озеро словно взывало ко мне. Отражения звезд исчезли, осталась лишь водная гладь, что была чернее самой ночи. Там во тьме я увидел силуэт Мордрета.

– Что ты хочешь мне показать, озеро? То, что я давно забыл? Но это не так. Я все прекрасно помню.

Затем силуэт Мордрета исчез и все там же в воде я увидел зеленую поляну. Я увидел мой отряд, что пленил и допрашивал двух юных лазутчиков саксов. Едва я увидел лица тех юнцов, как меня тут же обуздала злоба на самого себя. Я хотел отвести взор в сторону, так как знал, я помнил тот день и не хотел вспоминать о нем снова, но я так и не отвернулся, потому что где-то в глубине себя я знал, что я должен смотреть, обязан, после того, что сделал, что совершил.

– Ну и сколько вас в итоге? Сотня, две? – нависнув над двумя мальчишками саксами, грозно спросил Торки.

– Ну что, молчат? – спросил его я, как только добрался до опушки, где Торки со своими людьми поймал двух юных лазутчиков, у которых и молоко толком не успело высохнуть на губах.

– Да вот, молчат, видать, мы не такие грозные, чтобы толковать с нами, – тут же ответил мне Торки, а после добавил, – а быть может, они просто по-нашему не говорят, но то навряд ли, ведь скоро все саксы будут говорить на нашем языке, после того как их бабы понесут от нас. Видят боги, мы покроем всех их женщин, – пошутил он, а после чего мы все засмеялись.

– Ничего, сейчас они у меня певчей птицей запоют, – сказал я, взяв веревки, что лежали рядом с пленниками. – Скьёр, Ольгерт, хватайте путы. Один лезет на эту ель, другой на ту. Хорошенько обвязывайте макушки и бросайте концы ко мне вниз. Ну а уже после спускайтесь, тут будет на что посмотреть.

– Сделаем, Мордрем, – с важным видом ответили они, а после чего принялись выполнять мое поручение.

– Ну что, саксы, пока еще не поздно, может быть, вы все же что-то расскажете мне? – присев рядом с ними на корточки, и посмотрев на них поочередно, спросил я.

– Брат, что они затеяли? Давай им все расскажем, быть

может, они пощадят нас... – внезапно запаниковав, залепетал на своем языке младший из лазутчиков, которому было на вид не более шестнадцати зим.

– Заткнись, Бургред! Мы ничего им не скажем, да и к тому же, даже если бы мы и сказали что-то, то эти дикари нас попросту не поймут, а даже если бы и понимали, я бы все равно этим тварям ничего не сказал бы! – гордо воскликнул тот, что постарше.

– Уух, ну тут ты явно ошибаешься, парень, я тебя понимаю, и ты мне все расскажешь, – заговорил я на их языке, на противном языке саксов.

– Ты слышал это, Этель? – вновь заговорил тот, что был помладше, ошарашенно глядя на меня.

– Да, Этель, ты слышал это?! – произнес я с улыбкой, поглядывая на них обоих.

– Проклятый дикарь! То, что ты выучил наш язык, ничего не меняет. Ни я, ни мой брат, ничего вам не скажем. Мы скорее умрем, чем заговорим...

– Мордрем, мальчишки сделали, что ты просил, веревки сброшены, – сказал Торки, подойдя ко мне.

– Отлично, значит, сейчас повеселимся.

Подойдя к дереву, я взялся за веревку и стал тянуть, что было сил, склоняя макушку дерева к земле под всеобщее удивление. После, привязав ее хорошенько к стволу другого дерева, пошёл ко второму, и сделал все то же самое. И как только дело было сделано, я приказал моим людям, что

все еще стояли, разинув рты от проделанного мной, привести мне самого младшего из пленных лазутчиков. Мы бросили его на землю и крепко завязали его руки веревкой, что вела к одной склоненной ели, а ноги – веревкой, что вела к другой. Мальчишка трясся и рыдал от ужаса, он молил отпустить его, молил своего старшего брата помочь ему, что, несомненно, было мне на руку.

– Ведите старшего! – проговорил я, вспомнив слова своего отца, чтоб ему пусто было.

«Знать своего врага как себя – это уже пол победы», – говаривал он мне, заставляя учить треклятый язык саксов. Выучив его в набегах, он от чего-то решил учить ему меня, а не Мордрета, хотя сам не единожды говорил, что Мордрет куда смышлённей меня. И как бы мне не хотелось этого признавать, но старый ублюдок оказался прав.

– Ну что, Этель, ты скажешь нам, сколько у вас воинов? – спросил я, как только старшего из братьев подвели ко мне поближе, но он продолжил хранить молчание, как собственноручно и обещал.

– Видишь вон тот конец веревки? Я сейчас потяну за него, и твоего брата разорвет напополам, прольется кровавый дождь, его потроха разлетятся всюду. Неужто ты хочешь такой участи для брата? Твое молчание, оно того стоит? Просто скажи мне, что я хочу знать, и я отпущу вас обоих.

Этель судорожно смотрел то на меня, то на своего рыдающего брата Бургрета. Он покраснел, и дышал часто, словно

задыхаясь, мне были видны его «метания». Так или иначе, он скажет, ведь кровь – не водица. Я бы сказал, что бы спасти Мордрета. Внезапно Этель закрыл глаза, и тяжело выдохнув, все же нарушил молчание и произнес:

– У нас двести девятнадцать воинов.

– Ну, вот и молодчина. Сколько из них лучников?

– Сорок, и с десятков рыцарей верхом на конях, – подавленно отвечал он.

– А остальные, стало быть, просто пехота? Копейщики есть? – вновь спросил его я, взяв рукой за лицо.

– Нету у нас копий, незачем. Мы не знали, что вы уже приплыли и высадились тут. Мы думали, что вы будете здесь лишь к концу дня. Олдермен собрал войско и вскоре мы после вашей высадки должны были напасть на уставших вас, на ваш лагерь пока вы не окопались тут. Именно поэтому мы здесь, мы должны были следить за вашим прибытием и как только вы бы показались на своих кораблях, мы с братом сообщили бы нашим.

– Вот значит как?

– Что, что он говорит, Мордрем? – спросил Торки, едва мы закончили разговор с мальчишкой.

– Ты что, воевода? Или быть может, я перед тобой ответ держу? Потом все узнаешь! – ответил я Торки, не оборачиваясь, а после бросил нож к ногам мальчишки, сказав ему, что он может освободить себя, и чем быстрее он это сделает, тем будет лучше для них с братом. Затем я не спеша напра-

вился к связанному Бургрету, пока его брат Этель судорожно резал путы на своих руках ножом, что я бросил ему.

– Слишком долго... – произнес я, схватив веревку, от которой зависела жизнь Бургрета, а после потянул ее.

Пронеслась череда звуков, не совсем понятных: быстрый обрывистый вскрик, шум всколыхнувшихся деревьев, хруст и треск, а затем брызги. Раздался гневный и полный безумия вопль Этеля, когда он увидел, что я сотворил с его младшим братом.

– Лживая тварь! – обезумев, закричал Этель, бросившись на меня с ножом.

Без особого труда я поймал его руку, в которой был нож, когда он попытался меня ударить им. Другой рукой, схватив его за горло, я подтянул его к себе вплотную и, посмотрев ему в глаза, сказал:

– Ты сам виноват в случившемся, ты мешкал, – а после я вспорол ему брюхо его же собственной рукой.

– Возвращаемся обратно в лагерь, мне надо поговорить с воеводой, – сказал я, обтирая руки об одежду еще живого Этеля.

– А что с этим? Добить или пусть мучается? – спросил один из моих людей, едва я отошел от парня.

– Пускай помучается, – сказал я с улыбкой, глядя на мальчишку, что лежал в окружении своих внутренностей и крови, судорожно дергаясь в предсмертной агонии.

Добравшись до лагеря, я сразу разыскал своего младшего

брата Мордрета, который и был нашим воеводой в этом набеге. Я поведал ему все, что узнал от тех мальчишек и вместе мы стали обдумывать наши дальнейшие шаги, учитывая открывшуюся нам информацию.

– Получается, их две сотни с мелочью против ста пятидесяти наших и они вот-вот будут здесь... Что-то как-то преимуществом у нас и не пахнет. Надо готовиться к битве – побоища не избежать, – сказал Мордрет с задумчивым видом.

– Постой, не торопись с выводами, дай-ка подумать. Они ведь не знают, что мы, сутки как уже здесь. Саксы наверняка, увидев нас, подумают, что мы прибыли только что, что мы, измотанные дальним плаванием, на трясущихся ногах только что сошли с драккаров. Они будут думать, что преимущество на их стороне, а значит атаковать нас сейчас – более чем разумно в их глазах, – рассуждал я вслух, внимательно осматривая наш лагерь и прилегающую к нему территорию как место вероятной битвы.

– Саксы глупы и трусливы, они побегут прочь от нас, как только мы пустим им кровь, как только мы начнем резать их как скот. Да и к тому же им невдомек, что мы уже успели остановиться в других небольших прибрежных селениях, и погостили чуток, пожиная плоды их гостеприимства, а теперь прибыли сюда полные сил, – сказал некто из приближенных Мордрета, имя, которого я бы не вспомнил, пытаюсь я хоть сотню зим. – Да и вообще, с чего ты взял, что тот мальчишка сказал тебе правду? Быть может, он солгал тебе и саксов много больше, чем нас?

– Ну, во-первых, я более чем уверен, что мальчишка сказал правду, ибо того требовала от него ситуация. Они хоть и были юны, но явно не глупы и опрятны, точно не из черни, а во-вторых, ты, что еще за хрен и с чего ты взял, что можешь ставить под сомнение мои слова?! – проговорил я, сверля злобным взглядом этого певчего скворца.

– Ну-ну-ну, брат, – положив руку мне на плечо, внезапно заговорил Мордрет, как только я сжал кулаки, переполненный желанием проучить наглеца. – Я думаю, Хафнар хотел сказать... Да не важно, что он там хотел сказать. Мы вырежем всех до единого, кто не пришел бы сюда.

– Да! Мы убьем саксов! – тут же подхватили остальные воины, в числе которых был и мой брат Мордрет, на что я посмотрел на него не совсем одобрительно и теперь уже я положил руку ему на плечо. Я наклонился к его уху и тихо произнес, так, чтобы меня слышал лишь он один:

– Нельзя недооценивать врага, брат мой, до тех пор, пока его башка не слетела с плеч. Неужто ты забыл, чему учил отец?

– Боги помогут нам, брат. Они всегда помогают, – повторил он с незыблемой уверенностью, как в своем голосе, так и в глазах, указывая при этом на руны, что были нанесены на его щит, на что я лишь улыбнулся ему.

– А командовать дружиной тоже боги будут? Или быть может, воевода все же снизойдет? Значит так! – громко произнес я, едва все поутихло. – Мы сворачиваем лагерь, делаем вид, что мы только что прибыли, пусть думают, что мы действительно устали. Нам надо сходу подавить их численное преимущество, поэтому каждый возьмет по копью. Как только саксы подойдут достаточно близко те, кто стоят впереди швырнут в них копья, да так что есть духу. Хороший бросок копья, если не убьет, то попав в щит, напрочь раско-

лет его. И как только дело будет сделано, они отойдут назад, их заменяют следующие, и так далее пока каждый не бросит свое копьё. Затем уже самый крайний ряд закроет всех щитами встречая неприятеля, с которого будет сбита вся спесь. Таким нехитрым действием, если все сложится удачно, мы лишим их передней линии – тех воинов, что будут бежать со щитами. Нам надо лишь заставить их помчаться на нас сломя голову. Для этого мы отведем пятьдесят наших самых опытных бойцов с луками в тот лес, что впереди, – сказал я, указывая на чашу. – Пусть они затаятся там и затем, оттуда в нужный момент обстреляют саксов со спины. Пускай перебьют их лучников, и тогда мы может, и разобьём их. Ну а дальше как ты и сказал «боги помогут нам». Я, и мой отряд можем отправиться в лес и сделать все как надо, мы окажем им достойный бой, как только перестреляем их лучников...

– Нуу, нет! Такая злобная сволочь как ты, брат мой, мне пригодится тут в авангарде, а в тот лес отправится Торки, – засмеявшись, произнес Мордрет.

Хоть Мордрет и был моим младшим братом, и он полагался в вопросах военного дела больше на богов, чем на тактику, тем не менее, дружиной руководил именно он. Я – толковый воин, но далеко не такой хороший лидер как он. В этой дисциплине он явно превосходил меня. Воины его уважают, в то время как меня они попросту боятся. Вообще в отличие от меня, нелюдимого, Мордрет был душой компании и общался со всеми за нас двоих, будь то ярл или кто еще. Он

жил вместе со всеми в поселении, в то время как я поодаль ото всех в лесу.

Когда все было оговорено, Мордрет отозвал меня для разговора с ним наедине.

– До меня тут слухи дошли о том, как ты поступил с двумя лазутчиками саксов.

– Дай догадаюсь, Ольгерт и Скьёр?

– А чего ты хотел от них? Они рассказывали о содеянном тобою с горящими глазами, восхваляя тебя до небес, чему я не очень-то и рад, если по совести. Мне казалось, что мы это уже обсуждали с тобой – хочешь убить убей. К чему устраивать зверства?

– Не начинай, Мордрет! Они враги и все тут! Они должны бояться нас и того, что мы можем сделать с ними. Мы всегда с ними так поступали, и будем поступать...

– Мне плевать на остальных! Остальные мне не братья, я говорю сейчас о тебе и только! – повысил на меня голос Мордрет, но затем, выдохнув, и выждав немного, продолжил: – Как ты не поймешь, все это лишь навредит тебе куда больше, чем ты можешь себе представить, и ты станешь, быть может, даже хуже чем был наш отец. Ты этого хочешь!? Для себя, для Свальги, для Логи?! Этого ты хочешь?!

– Не смей! Слышишь!? НЕ СМЕЙ! Сравнить меня с ним! – не сдержавшись, уже я повысил свой голос на него, а после развернулся и стал уходить, напоследок бросив ему: – Как будет что мне дельного сказать, а не этот бред – найдешь

меня, а сейчас извиняй, воевода, у меня дел полно, — злобно проговорил я, уходя.

И вот когда, какой-никакой план боя был готов, все было обговорено, приказы отданы, мы начали то и дело изображать, что мы разбиваем лагерь — уныло и без особого желания. Будучи среди дружины, оглядываясь, я видел множество молодых и неопытных щенков вокруг себя вперемешку с настоящими волками. Хах, ведь когда-то я и сам был таким же. Все мы юнцами, когда перед нами встает нехитрый выбор между плугом и топором, выбираем без колебаний топор. Такой выбор в свое время сделал и я, сделали и они. Тогда я жаждал лишь славы и приключений. Что я мог знать о жизни, что я мог знать о ее правде? Но как бы то ни было, я бы не стал ничего менять, ведь именно только в эти моменты — в моменты битвы я живу.

«Что может быть лучше, чем возвыситься над горами трупов умерщвленных тобой врагов, грея себя сладкой мыслью о том, что ты лучший, ты победил, ты жив, а они нет?»

Больше половины этих щенков уже никогда не уйдут отсюда и это в лучшем случае, а те, кому посчастливится выжить сегодня, превратятся в злобных волков как остальные — свирепых и матерых. Бывалый воин знает, что пустить страх в свое сердце просто, а вот изгнать его оттуда — куда сложнее. Воину необходимо быть стойким, иметь твердую волю, обладать завидным спокойствием мертвеца.

Я как сейчас помню свою первую битву. Помню, как кри-

чал от ярости, что еще кипела во мне. Помню, как закатился безумным смехом, когда битва была окончена, и я кое-как осознал что выжил. Помню, как рыдал, когда ярость все же покинула мое сердце, и я увидел что вокруг меня. Как просто молча стоял среди поляны, усеянной трупами, пытаюсь понять, что вообще произошло и как мне жить со всем этим. Как хорошо, что все это давно позади. Сейчас я дышу спокойно, мое сердце не испытывает тревоги, хоть я прекрасно знаю, что в ближайшее время здесь начнется.

– Эй, воевода, – окликнул я Мордрета, указав ему взглядом на трясущихся юнцов. Их требовалось взбодрить, задать им нужный настрой. Мордрет сразу же понял это и потому начал произносить речь:

– Все мы хотим впечатлить Великих, все хотим отправиться в золотые чертоги Всеотца! – громко закричал Мордрет. – И мы обязательно это сделаем, вне всяких сомнений, потому что лишь для этого и живем! Один встретит тех, кто сердцем воин, тех, кто презирает страх, презирает смерть, и вот, что я скажу вам, братья и сестры: я лично такой человек, как и мой славный брат Мордрем, которого вы все знаете не понаслышке. Но что насчет вас? Спросите себя: кто вы? Вы доблестные воины или жалкие трусы?!

– Воины! – закричала дружина.

– Кто? Я не услышал, потому что мне показалось, что не все тут так считают.

– Мы воины! – закричала дружина, донося свой возглас

до небес.

– Кто?! Не слышу!

– **ВОИНЫ!** – яростно закричала дружина, смеясь при этом.

– Вот это мои люди, мои воины! Эй, Мордрем, скольких ты сегодня планируешь отправить в Хельхейм или куда там попадают эти христиане? – прокричал Мордрет, лишь только толпа утихла.

– Столько, сколько осилю, лишь бы мой топор насытился плотью их, напился крови их, а он у меня довольно прожорливый! – прокричал я, подняв отцовский могучий топор над головой.

– А вот и саксы, наконец, пожаловали. Смотрите люди, – закричал Саги, плюнув себе в ладони, а затем растирая их.

Саги не ошибся, ведь из чащи леса, что был впереди, и вправду показался неприятель.

– Давайте, други, начинаем бродить неуверенно, метаемся до тех пор, пока они не подойдут достаточно близко. Все знают, что нужно делать. Настал тот день, пришел тот час, когда Валькирии встретят каждого из нас! – прокричал Мордрет напоследок, и стоило ему это прокричать, как эта фраза тут же начала разноситься среди дружины.

– Ну, наконец-то, а то ты стал утомлять меня своим трепом, – сказал я Мордрету, как только он подошел ближе. – Пока не поздно может, отправил бы сыновей, куда подальше? Молодые они еще, несмышленные для всего этого...

– Не ворчи, это тебе не к лицу. Пускай сражаются, от всего не уберегу, да и не надобно. Мы с тобой были примерно в том же возрасте, когда по первой бились, пускай проявят себя. Ты лучше скажи мне, сам-то готов, брат? – спросил Мордрет, встав передо мной.

– Видит Один, я всегда готов, – ответил я ему, плюнув на лезвие топорика. – А что ты, братишка, ты готов?

– Ты же знаешь, я рожден с мечом и щитом в руках. Ой, и досталось нашей матушке при родах, – закатившись смехом, сказал Мордрет. – Все, становись! Становись, сучье вымя! – закричал он. – Копья вперед. Тем, кто их сменит, пригото-

виться! Лучники, наизготовку, отпусай, как только они будут под ударом! – кричал он, раздавая приказы один за другим, а затем, похлопав меня по плечу, сказал: – Да будут боги милостивы к тебе, Мордрем. Пусть они присмотрят сегодня за тобой и защитят тебя от всяк опасностей, ведь в этот раз твой черед проставляться по возвращению домой, – довольно удачно пошутил он, чем заставил меня засмеяться.

– Сученок мелкий, шел бы ты на хрен, нечего меня тут по плечу хлопать, я тут старший брат! – все еще смеясь, ответил я ему, пытаюсь быть серьезным.

– Как скажешь, брат. Ладно, давай, командуй тут, этот фланг за тобой. Хафнар, давай на правый фланг, я по центру, – закричал Мордрет, уходя, теряясь среди остальной дружины.

Заняв свое место, я чувствовал как мое спокойствие, что царило все это время во мне, стремительно истончалось, а на смену ему приходит волнение.

– Я там, где и должен быть. Делай, что должно и будь, что будет, – произнес я, слова отца, что он однажды сказал мне, при этом глубоко вдыхая заряженный воздух в попытке удержать покидающее меня спокойствие. Враг был близко, он словно обезумев, стал мчаться на нас, желая смести нас со своего пути.

– Режьте и рубите их сыны и дочери Одина, кромсайте и рвите их на куски! – закричал я напоследок, сжимая рукоять своего топорища. – Итак, началось!

Глава 2. Рыцарь и Дева.

Битва завязалась очень быстро, слишком быстро, хотя когда бывало как-то по-другому? Как может быть иначе, когда враг врывается в тебя на полных парусах? Спроси любого, кто участвовал в подобном безумии: «Что ты помнишь?». И он ответит тебе: «Помню, как бежал на врага» или же «помню, как враг несся на меня, а дальше ничего, все как в тумане, в непроглядном багровом тумане».

Но так бывает лишь поначалу, и чем больше таких битв ты переживешь, тем больше происходящее вгрызается в твою память. Воспоминания содеянного тобой в битве начинают всплывать в памяти все чаще и чаще, они преследуют тебя во снах. Иногда лежа в драккаре, ты слышишь как кто-то, вскрикивая, просыпается в холодном поту и, утирая слезы на лице, смотрит на всех вокруг, ловя на себе до боли знакомые взгляды. И тогда ты думаешь, точнее ты знаешь, что привиделось тому человеку, ведь однажды и ты, закричав, пробудишься от кошмарного сна. Ты точно так же как и он увидишь до боли знакомый взгляд, ты точно так же протрешь слезы с лица и просто молча ляжешь в гнетущем молчании.

Во снах к тебе все возвращается в ужасных и мельчайших подробностях, и каким бы ты не был бесстрашным воином, ты все равно будешь кричать от ужаса и мрака, ты все равно проснешься промокшим насквозь ледяным потом, пытаясь в

отчаянии понять своим воспаленным рассудком, где ты сейчас.

Схлестнувшись, словно волны, мы принялись делать то, что умеем лучше всего, и, говоря «мы», я имею в виду род людской. Мы принялись уничтожать друг друга всеми доступными нам средствами. «Зачем?», «почему?» – ответ на эти простые, казалось бы, вопросы, никогда не будет озвучен, хоть всем и известен. Все просто – мы приплыли сюда убивать саксов, забрать то, что принадлежит им: их богатства, их жен, их дочерей, даже их ничтожные жизни, потому что так все устроено в Мидгарде, так это работает.

Мой топор рубил врагов, издавая тихий, пронзительный свист, впиваясь в одного за другим с самого начала этой битвы. Под моими ногами образовалось настоящее море – море крови, и я делал все, лишь бы оно стало больше, шире. Металлический запах будоражил, пробуждал в нас звериное начало, животные инстинкты – убивать друг друга все больше и свирепей. Я убивал без усталости, без сомнений, вновь и вновь разрубая кого-то, омывая себя их кровью. Мой славный топор выпил ее куда больше, чем я и мой брат браги в зале ярла. С каждым ударом я забирая чьего-то мужа, чьего-то отца, сына, брата, вырывая их из любящих объятий жизни. И все это лишь потому, что им всем, кто пал сегодня от моей руки, им просто-напросто не повезло повстречать меня в этой прискорбный для них день, в этот презренный час, как однажды не повезет и мне. Но пока этот день не настал, я

буду делать то, ради чего боги привели меня в этот мир – я буду убивать.

– Держать строй! Давите их, сучьи сыны! – закричал я, после того, как быстро осмотревшись, увидел, что нас начинают теснить сбоку, и если так пойдет дальше, мы окажемся в полукольце, что не сулит нам ничего хорошего.

– Ты и ты, разнесите мой приказ дальше! – отступив назад и вырвав двух бойцов из массы, прокричал я.

Хоть и не сразу, но они поняли, что я хочу от них, и как только осознание сказанного мной пришло к ним, они тут же принялись дублировать мой приказ, вопя, что было у них сил. Как тут ни с того ни с сего, меня словно молнией пронзило, нечто леденящее коснулось меня, из-за чего я стал делать то, что всегда запрещал делать Мордрету, что бы ни случилось. Я всегда твердил ему не искать меня взглядом во время битвы.

Убивая и попутно пробираясь среди гущи сражения, я не переставал рыскать всюду глазами в слепой и глупой надежде отыскать Мордрета. Я знал, что подвергаю себя смертельной опасности, но еще я знал, я чувствовал, что я нужен был своему брату. Я ощущал это всем своим естеством, и в один момент я все же встретил его глазами среди остальных. Мордрет стоял над каким-то саксом, занеся свой меч над головой, как вдруг его лицо пронзил шок. Меч выпал из его руки, как и его щит. Он схватил себя за грудь, из которой торчал длинный и широкий клинок, затем лезвие исчезло, раство-

рившись в кровавом пятне, которое становилось все больше и больше на рубахе Мордрета.

Он упал, и моему взору открылся тот, кто сразил моего брата – воин-сакс с двуручным мечом, что был облачен в стальные латы. Сделав взмах своим мечом, а затем, резко нанеся удар наискось, он обезглавил Мордрета, что лежал на земле.

– НЕТ! МОРДРЕТ! НЕЕЕЕТ!!! – закричал я, обезумев от того, что только что увидел.

Сломав голову я помчался туда, ослепленный яростью, ослепленный горечью потери. Оступившись, я влетел в чей-то щит лбом, голова страшно затрещала так, словно в ней грянул гром, и на какой-то момент, я распрощался с ясностью. Быстро поднявшись, я снова рванул вперед, но поскользнувшись, вновь упал. Ноги сами разъехались в разные стороны.

– Сука!!! – яростно выкрикнул я, а после начал вставать, опираясь на свой топор.

«Возьми себя в руки! Тебе нельзя сейчас поддаваться эмоциям. Я не могу позволить себе чувствовать хоть что-то, по крайней мере, не сейчас. Мой брат умер, и я ему уже ничем не смогу помочь, так что, мать твою, возьми себя в руки, Мордрем!», – дав мысленно себе наказ, поднимался я. И хоть он и был тяжел в исполнении, но он был верен, с какой стороны на него не взгляни. По лицу пробежали леденящие слезы, боль утраты человека, с которым меня связывало куда большее, чем просто кровные узы. Поднявшись, я напра-

вился к убийце моего брата довольно уверенным шагом.

– Даю тебе слово, Мордрет, он будет страдать, – сквозь зубы процедил я, снеся чью-то голову с плеч одним и чистым ударом.

Убийца Мордрета был стиснут тяжелыми латами, что давало ему хорошую защиту. Я видел это, видел, как он бился, но еще я видел, что он не так поворотлив, и куда медлительней меня. Я видел все это, прорубаясь к нему через плоть. С каждым ударом моего топора, я становился все ближе и ближе к нему. И вот, наконец, добравшись, я сделал вид, что атакую его, закричав при этом, и он купился, ловко парировав пустоту, из-за чего его сразу же понесло куда-то в сторону вслед за его увесистым двуручным мечом. Увалень успел сделать полный разворот вокруг себя, прежде чем смог остановиться.

Рыцари – так называют этих воинов, что облачают себя в тяжелые латы. Я узнал об этом лишь немногим позже, хотя кому, какая разница. И вот когда рыцарь оказался повернутым ко мне спиной, вот тут-то я и нанес удар, что было сил во мне. Кто-то сказал бы, что это бесчестно, а я скажу, что лучшая техника боя – это техника выжившего, того, кто останется на ногах после всего этого.

Раздался гулкий звук и саксонская невнятная речь, хотя как знать, быть может, это вовсе не он завопил. Вокруг царило безумие и кровавая вакханалия, так что это мог быть кто угодно, но вот что я знаю наверняка – от полученного удара

рыцарь упал на одно колено. Надо отдать должное умельцу, кто изготовил для него эту броню – она была сделана на совесть и никак иначе. В месте, куда пришелся мой удар, образовалась всего лишь еле заметная вмятина. Не тратя время, я занес топор для очередного удара, но был вынужден тут же отступить, так как рыцарь довольно резко и неожиданно обернувшись, стал размахивать своим мечом, словно отгоняя от себя назойливого комара. Хаотично размахивая оружием, он попутно пытался подняться, но как мне сдается, это должно быть, довольно сложно сделать, когда на тебе лишних сорок, а то и пятьдесят килограмм. Добавим сюда усталость и вес меча, ну и не стоит забывать, что под твоими ногами настоящее месиво из грязи, крови и нечистот, что испускают люди, умирая.

Как и предполагалось, его попытка подняться была провальной. Он словно полуторогодовалый бычок на первом льду – такой же глупый и неуклюжий, и, так же как и бычок, он ни хрена не знает, что ему делать дальше. Но, несмотря на его убогость, или, по крайней мере, на видимость этого, мне явно не стоит его недооценивать. Черепаха тоже медлительна и лишена всякой грации, но и она в момент нужды может удивить своей скоростью. Латы его вне сомнений крепки, но я отчего-то уверен, что именно они и сыграют с ним, в итоге, злую шутку.

Дождавшись очередного выпада рыцаря в никуда, я подгадал момент, а затем снес рыцаря ударом ноги в его шлем, и

когда он рухнул и распластался, я ударил топором в его предплечье, по той самой руке, в которой он держал свой меч. Раздался вопль и судорожное бултыхание ногами в грязи.

– Что, хер моржовый, больно?! Ну, так это только начало! – закричал я, перевернув свой топор обухом вниз, а затем нанес еще по два удара в каждое его колено, но мне показалось, что этого недостаточно, и я повторил те действия еще раз.

«Теперь ты уже никуда не денешься от меня!», – подумал я, а затем отправился вести бой с остатками саксов, взяв полное командование дружиной.

– Бейтесь, сыны Одина, бейтесь как никогда! – Кричал я, жадно хватая воздух, которого, казалось, уже нет. Я пытался подбодрить остальных, прекрасно понимая, что сил биться, больше ни у кого нет. Но как бы то ни было, нам должно закончить начатое, должно.

Когда битва, наконец, закончилась, и кровавая пелена безумия спала с моих глаз, я осознал, как мертвецки устал. Мой славный топор, который совсем недавно был неотъемлемой частью самого меня, и казалось, ничего не весил, теперь кажется мне неподъемным. Шум в ушах стихает, а на его место приходят стоны и предсмертные мольбы о помощи тех, кому уже не суждено отныне вернуться в отчий дом.

Чуть переведя дух, я все же сумел подняться и устало побрел, еле волоча ноги по скользкой красной жиже, что была всюду, то и дело, спотыкаясь о тела и отсеченные конечно-

сти. Лицезрев то, что мы сделали друг с другом, я был обескуражен, хотя, казалось бы, какого хрена...

Видя сотни бледных лиц, что были перекошены в смертной агонии, я отчаянно пытался найти тело Мордрета, и с тем же, одновременно, я не хотел этого. Увидеть его бездыханное тело, увидеть его таким – это было ужасно больно, даже для такого безжалостного мерзавца как я. Но несмотря на все свои желания и нежелания, я все же нашел его. Сев рядом с ним, я отложил свой топор в сторону, а после бережно и аккуратно поднял голову Мордрета с земли. Протерев его лицо от грязи и крови, и прижавшись к его ледяному лбу своим, я был переполнен чувством скорби и невосполнимой утраты, просидев так с ним какое-то время не в раздумьях, а просто существуя. Так все и было до тех пор, пока меня не окликнули.

– Мордрем! Это... это что отец...

– Не смотри на него Скьёр, не смотри. Его горести позади, он сейчас со Всеотцом, празднует с остальными храбрцами, – утерев слезы, произнес я первое, что пришло мне на ум, а после, поцеловав Мордрета в лоб, я положил его голову рядом с телом, а затем поднялся. – Где Ольгерт, он жив? Скьёр! Где твой брат? – Вновь окликнул я мальчишку, что никак не мог отвести своего взора от тела отца.

– Мы разбили саксов... Те, кто уцелели, бежали прочь, и... Ольгерт он... он добивает раненых саксов. Он вон там... там он... – все не переставая смотреть на отца, еле внятно твер-

дил он словно одурманенный.

– Собрать всех, кто способен сражаться. Готовьтесь, вскоре мы выступим.

Перед моим отбытием с остатками дружины до поселения саксов, меня разыскали Ольгерт и Скъёр. Помню как перед отправкой в набег, я пришел в поселение в дом Мордрета, и он сообщил мне, улыбаясь как дурак, о том, что в моем отряде будет пополнение – два юнца, семнадцати и восемнадцати зим отроду. Услышав его слова, я воскликнул: «На кой ляд мне эти щенки?! Что мне с ними делать, я тебе что, нянька?!». И тогда Мордрет, рассмеявшись, сказал мне, что эти щенки – родичи мои. Услышав его, я тут же замолк и более не возражал, так как я обучал их с маломальства и знал, что они вполне способные. Да и в моем отряде им всяко лучше будет, чем где-то ещё.

Я раздал им несколько указаний, первым из которых было – помочь тем, кто мог выжить и был бы готов к возвращению домой, а на тех, кто был обречен – не тратить время. Затем разбить лагерь и на всякий случай подготовить драккары к скорому отплытию, если все пойдет как надо, конечно. Третьим моим распоряжением было – подготовить погребальный костер для их отца. Многим это могло не понравиться, так как мой брат был не единственным, кто пал сегодня, но ssать я хотел на их мнение и на остальных погибших. Остальные не были мне родней, да и к тому же, теперь я воевода, и, стало быть, мне решать, что к чему. Я не оставляю гнить тело

Мордрета тут ни за что! И конечно же, я не мог забыть того мудня, который лишил жизни Мордрета. Посмотрев Скъёру и Ольгерту в глаза, я четко дал им понять, что рыцарь должен быть жив к моему возвращению.

Весь путь до поселения саксов, меня не покидали тягостные размышления о том как мне убить того рыцаря. Вопрос даже был не в том, как лишить его жизни, а как сделать это более болезненным способом для него, как можно мучительней. Сделать так, чтобы рыцарь страдал как никогда в своей треклятой жизни.

Ворвавшись в поселение саксов, мы ожидали чего угодно, кроме того, с чем мы столкнулись. К нашему глубокому удивлению, тут нас никто не ждал. Безродные собаки, коим посчастливилось бежать с поля боя, видимо посчитали лишним предупредить своих же о том, что они были разбиты, о том, что мы идем к ним. Без колебаний я отдал приказ, и мои воины принялись грабить, насиловать и убивать, иными словами – делать то, что делают победители. Незавидна участь побежденного – таков закон войны. Но больше она незavidна, если ты ни на кого не нападал, а напали на тебя.

Людская натура поистине не перестает удивлять. Совсем недавно мы были уставшими как физически, так и духовно от кровопролития, а вот теперь немного времени спустя, мы снова со звериным неистовством проливаем чужую кровь. Все куда проще, чем может казаться, ведь, в конце концов, отбросив все лишнее, ты понимаешь, что сейчас все дело в

мести. Многие из нас лишились сегодня кого-то: отца, сына, друга, брата...нами движет отмщение, и мы сами вправе выбрать, как нам воздать обидчикам нашим.

Когда в итоге с поселением было покончено и не осталось ничего, что было бы можно забрать, мы ушли, уведя оттуда цельную свору женщин и мужчин. Мы ушли, оставив за собой лишь яркое зарево, что освещало ночную тьму, разрушение и горы трупов.

Не успели мы отойти от поселения и на сотню шагов, как за нами увязалась целая ватага из рыдающих и орущих детей саксов. Передо мной встал нехитрый выбор, как быть с ними? Оставить их как есть равносильно убить их всех, хотя и то было бы куда милосердней, чем бросить их вот так помирать.

– Ты что собрался делать Хаффельд? – прокричал я, увидев как один из моих воинов покинул строй в направлении той рыдающей мелюзги.

– Перережу сучий выводок! – ответил он, вынимая свой меч из ножен.

– Меч в ножны и встал обратно! Я не воюю с детворой!

– Ты чего Мордрем!? Однажды они вырастут, и нам придется с ними воевать. Куда лучше перебить их сейчас...

– Вот когда они вырастут тогда я, пожалуй, и повоюю с ними, а до тех пор они мне не угроза. Или быть может, ты боишься этих детей, Хаффельд? Если так, то признай это, а после так и быть можешь перерезать их.

– Я их не боюсь! – ответил Хаффельд недовольно.

– Я рад, что мы разобрались... – ответил я, смотря на тех детей.

Я хоть и был жестоким человеком, но не настолько, чтобы обречь их на смерть. Возможно, отчасти потому, что сам был отцом. Тогда я отдал приказ отпустить по десять женщин и мужчин саксов, чтобы они позаботились о сиротах.

Весь обратный путь меня терзала все та же навязчивая мысль о том, как мне поступить с рыцарем. Идей было множество и каждая безумней предыдущей, но все они были недостаточно хороши для меня, мне требовалось нечто выходящее за грани жестокости. Увлеченный одной лишь этой мыслью, я не заметил, как мы оказались в нашем лагере. Ко мне подбежали Ольгерт и Скъёр и отчитались о проделанной ими работе, а после указали мне на погребальный костер для Мордрета, что был сложен довольно аккуратно, где на его вершине, на валежниках возлегал сам Мордрет. Поблагодарив парней, я отправился к костру, дабы проститься с моим братом как подобает. Увидев его снова таким, я вмиг позабыл об усталости, что одолевала меня, хрен знает сколько.

Отчего-то стоя у его тела и глядя на то, как он безмятежно лежал, я стал обманывать себя, что он просто прилег вздремнуть, только и всего. Более того, я мог поклясться богами, что стал видеть, как он дышал. Его живот казалось, то приподнимается, то опускается.

– Этого не может быть, я просто устал, вот и мерещится всякое, – сказал я, протерев глаза после того, как стал воспринимать весь этот бред за чистую монету.

Очень аккуратно я провел рукой по его волосам, стараясь не тревожить его голову, что лежала очень уж ладно, так, словно никто и никогда не отсекал ее.

– Спи спокойно, мой брат, ты это заслужил, спи. Я знаю, боги встретят тебя как героя, которым ты без преувеличе-

ний и являешься. Ты будешь праздновать среди них вновь и вновь, пока мы не встретимся с тобой снова в чертогах Одина. Я не забыл, что мой черед проставляться, я помню, помню... чуть не забыл, вот я тебе подарок принес, – сказал я так, словно он взаправду слушает меня. – Вот, нашел эти ягоды по пути в поселение саксов. Я помню, как ты в детстве любил ягоды, надеюсь, эти тоже придутся тебе по вкусу.

И тут мне бросилось в глаза, что при Мордрете не было его меча, и тогда я без раздумий решил отдать ему свой топор, что был у меня с самого начала моего пути, и достался мне от нашего отца.

– Вот, держи, а то негоже воину отправляться в путь без оружия, да и к тому же, он всегда тебе нравился, так что теперь он твой, братишка, – сказал я, вкладывая топор в его ледяные руки. И в этот момент меня вновь охватила жгучая боль, а затем и лютая злоба начала свербеть меня изнутри, с каждым мгновением затмевая мой рассудок. Оставив Мордрета, я спешно вернулся к Ольгерту и Скъёру, и, найдя их, задал животрепещущий вопрос:

– Где тот мудень, где рыцарь?

– Он в твоём шатре. Лекарь осмотрел его, сказал, что кости его сломаны, на ногах и руке, но жить будет, – растерялись, но, тем не менее, ответили они мне почти в один голос. Услышав то, что меня интересовало, я развернулся, и хотел было уже уйти, как тут понял, что не только я сегодня понес тяжелую утрату.

– Ваш отец был великим человеком и великим воином, гордитесь им, – сказал я, а после отправился к шатру.

– Быть его сыновьями честь для нас, – проговорил мне вслед один из них.

И тогда я остановился и, повернувшись к ним сказал: – Окажите мне еще одну услугу.

– Все, что в наших силах, все будет сделано.

– Как проститесь с ним, разжигайте погребальный костер, меня ждать не стоит.

– Да, хорошо, – немного удивившись, произнес Скъёр.

Услышав его ответ, я вновь продолжил свой путь тяжелой поступью, все сильнее и сильнее сжигаемый чувством мести. Проходя мимо шатра с ранеными, я вновь почуял навязчивый запах крови. Стали слышны стоны и крики раненых, и среди всего этого шума до меня донесся и задорный смех, что раздавался откуда-то из-за шатра. Не знаю отчего, но я вдруг решил проверить, что там такого веселого. Завернув за угол, я увидел, как небольшая группа воинов рвали одежду на одной из девушек, что мы пленили, хохоча при этом словно дикие. Поливая ее голову брагой, они тискали ее, толкая, друг к другу. Затем, когда она упала на землю, один из тех воинов схватил ее за волосы и куда-то поволок. Я знал, что с ней будет дальше, но, тем не менее, не понимая какое вообще мне было дело до происходящего, я вмешался.

– Эй ты, я дал вам достаточно времени делать что вздумается в их поселении. Этот трэлл ярла, для продажи, она не

принадлежит тебе, так что убрал от нее свои лапы. Отведите ее к остальным и больше никого не трогать.

– А вот хер тебе лошадиный, – сказал тот, кто как раз тащил ту девчонку за собой.

– Закрой пасть, осел и отпусти ее, это Мордрем, – спешно подбежав к своему приятелю, сказал один из них.

– Мордрем? Подожди, подожди, тот самый Мордрем, что повелел принести тело своего ныне мертвяка брата и сложить для него погребальный костер? Этот Мордрем? Пошел он! А как же мой сын? Я сегодня одного из своих сыновей потерял, и он сейчас лежит где-то там, на поле вместе с остальными. Думаешь, раз уж твой брат был на короткой ноге с ярлом Сиддгейром, то и ты обладаешь какими-то привилегиями? Хер там был! – кричал все никак не унимаясь, тот дурень. Всем его друзьям было видно, что его жизнь висит на соломинке. Выслушав его недовольство, я быстро направился к нему, но мне преградил путь один из его компании.

– Постой, воевода, прости слова моего отца. В нем говорит брага и горечь утраты старшего сына. Если позволишь мне, я уведу его, и ты не увидишь его до отплытия.

Выслушав парня, я нанес ему удар в лицо, а после того как он рухнул, продолжил избивать его. Его отец кинулся на меня, но я вышиб ему все зубы одним хорошим ударом.

– Гнилое отребье! – проговорил я, вытаскивая зуб, застрявший у меня в кулаке, прямо в мясе меж костяшек, а после продолжил избивать парня, крича его отцу: – Смотри,

это он за тебя отдувается, – выплеснув на мальчишку всю злобу, я отошел в сторону. К парнишке подошли пару его дружков, что спокойно стояли и смотрели, как я избивал его.

– Вставай, Хроки, ты как? Хроки?!

Как оказалось, я слегка перестарался и забил мальчишку насмерть, но как бы то ни было, я закричал:

– Убрать это дерьмо с глаз долой. Если увижу этого беззубого ублюдка, забью его, как и его выродка.

И тут я невольно обратил внимание на ту девуцу, из-за которой и вышла вся эта история. Как оказалось, она была хороша собой. Скажем так, она была в моем вкусе, поэтому схватив ее за руку, потащил за собой в свой шатер. Оказавшись в нем, я первым делом, отправился проверить рыцаря, и сложно описать в каком замешательстве я оказался, когда подойдя к нему, увидел, что он лежит недвижимо. Но затем мне стало ясно, что он попросту спит. СПИТ!

– Подъем, сучий сын! – закричал я, наступив на его разбухшее колено, прижав его плоть к земле как можно сильнее. Рыцарь завопил словно безумец, забавно извиваясь при этом. – Решил отдохнуть?! Не выйдет! Ты убил моего брата, и отныне тебе нет покоя, пока я не решу, что с тебя хватит, пока я не позволю тебе сдохнуть! – процедил я сквозь зубы, с превеликим наслаждением наблюдая за агонией рыцаря.

Девушка, стоящая позади меня у входа в шатер, закрыла уши так, что ее руки начали дрожать от напряжения. Я усадил ее в углу, а сам отправился обратно на улицу. Мне нуж-

на была теплая вода, чтобы она привела себя в надлежащий вид, а заодно и меня помыла.

«Я не какое-то там животное, чтобы спать с ней в таком виде», – подумал я, покидая шатер.

Найдя пару чистых лоскутов и чан с подогретой на огне водой, я вернулся обратно. И стоило мне зайти внутрь, как рыцарь и девушка с неумолимой тревогой начали глазеть на меня. Подойдя к ней, я поставил чан у ее ног, и бросил куски ткани в воду, указав ей, чтобы она начала приводить себя в порядок, на что она, подсев поближе к чану, дрожащими от страха руками, выловила ту мокрую тряпку. Она начала протирать себя, дыша при этом очень часто, но затем, увидев, как я начал сбрасывать с себя одежду, она почти беззвучно зарыдала.

«Видимо, она поняла, зачем я привел ее сюда», – подумал я, смотря на то, с какой завидной выдержкой она держалась, чтобы не издать ни звука. Но как бы то ни было, после того, как она привела себя, а затем и меня в порядок, я уложил ее на свое ложе, и опять, даже тут она смогла снова удивить меня своей, казалось бы, незыблемой стойкостью. Она не сопротивлялась от слова совсем, более того, она не проронила ни звука, ни слезинки до тех пор, пока я не закончил. Немного переведя дух после соития, я поднялся с ложа и, накинув на себя штаны, вновь направился к рыцарю, который, к слову, больше не засыпал. Он смотрел на меня широченными глазами, что виднелись из-под его шлема, следя внима-

тельно за каждым моим движением. Какое-то время мы просто смотрели друг на друга как завоеватель и завоеванный, пока рыцарь не пробубнил на своем собачьем языке:

– Почему ты просто не убьешь меня?

– Лучше закрой пасть, и не открывай ее, – сказал я, играя желваками.

– Почему ты не ответишь ему? – раздался тихий голос позади меня.

Сказать, что я удивился – не сказать ничего. Я повернулся к девушке в мгновение ока и стал глазеть на нее как на что-то необъяснимое, услышав, что она обратилась ко мне на моем языке. Она старалась прикрыть свое нагое тело шкурой, на которой мы лежали до этого. Увидев, как она прикрывает тело, я, усмехнувшись, произнес:

– Какой смысл запирасть хлев, если всю скотину уже украли?

Она никак не ответила на мою колкость, и тогда я подумал, что просто устал, вот и чудится всякое.

– Даже если бы я захотела объяснить тебе «зачем», ты бы все равно не понял, потому что ты мужчина, – вновь ответила она тихо на моем языке.

– Надо же, значит, все же не почудилось, ты и впрямь говоришь на норвежском. Чего же ты раньше молчала? – спросил я, подойдя к ней ближе.

– А что бы это изменило? Ты бы что, не стал делать со мной то, что сделал? – сказала она, пронзительно посмотрев

мне в глаза, и не знаю от чего, но я тут же опустил глаза к полу, и вот тогда-то печально усмехнулась она. – С тем же успехом ты бы мог спросить меня, от чего я не сопротивлялась тебе – ответ был бы тот же...

– Откуда знаешь наш язык? – перебил я ее, прекрасно понимая, что сказал глупость в первый раз.

– А ты откуда знаешь наш? – тут же спросила она, а после продолжила, – Я родилась и выросла в Дублине, а там все понимают и могут говорить на вашем языке, так уж повелось...

– Убей меня, избавь меня от мучений... – слышался голос рыцаря.

– Вот еще, так легко ты не отделаешься! – возмутился я от услышанного.

– Я тебе ответила, а вот ты мне – нет.

– Отец заставил выучить.

– От чего же в вас, мужчинах, столько злобы и ненависти? Разве он недостаточно страдает? Он побежден, ему больно, ты уничтожил его дом, а его родные либо убиты, либо теперь ваши рабы, – все так же спокойно и тихо говорила она.

– Этого недостаточно, этот мудень убил моего брата...

– А сколько «братьев» убил ты? Сколько «отцов» и «сыновей» пали сегодня от твоей руки? Что если бы твой брат был на его месте или ты? Неужели ты бы не просил о милости к себе? – говорила она все громче и громче с каждым произнесенным словом, смотря на меня с неизмеримым непониманием.

– Не забывайся, женщина! Милости просить... Ты в своем уме?! – разозлившись не на шутку от услышанного, я перешел на крик, отчего она заплакала, а мне вновь стало не по себе. Разумом я понимал ее правду, но мое сердце всячески отвергало ее слова, как что-то невразумительное. Мое сердце горело жадой мести, жадой крови, его крови.

– Как вы можете так поступать с такими же людьми, как и вы сами? Я не могу этого понять, – говорила она, рыдая.

– Не смей сравнивать нас. Мы не такие, как вы. Мы другие...

– Другие? Разве у вас не две руки, не две ноги? Разве вы не смеетесь когда вам весело и не плачете, когда больно? Как ты можешь так говорить? Ты пролил сегодня столько крови. Скажи мне, северянин, разве она у нас не одного цвета? Отчего же мы другие?

– Даже если бы я захотел тебе объяснить, ты бы все равно не поняла, потому что ты – женщина, – ответил я ей так, как и она мне совсем недавно.

– Хорошо, если так, и плохо, если ты сам не знаешь ответа, – закрыв глаза и печально улыбнувшись, сказала она.

Видят боги, эта женщина – ведьма, и ее слова само колдовство. Они действуют на меня каким-то непостижимым образом.

– Ты что, ведьма или быть может еще кто? Ведь как объяснить, что все вышло вот так. Я жаждал этому мудную страданий, а теперь, послушав тебя, мое сердце ничего не жжет,

мне, словно полегчало. Что ты сделала, ведьма?

– Сказала правду, – произнесла она едва слышно, посмотрев на меня без капли ненависти в своих глазах, и это несмотря на то, что я сделал с ней. Не знаю почему, но я не смог вынести ни ее взгляда, ни ее правды, и посему покинул шатер, дабы привести свои мысли в порядок.

– Это просто немыслимо! Как она...она точно ведьма! – метаясь туда-сюда рассуждал я гневно вслух. Все, лишь бы не признавать вполне очевидный, я бы сказал, даже неоспоримый факт – она попросту права. Что если бы и вправду сам Мордрет оказался на месте того рыцаря, и это его хотели бы истязать вместо легкой и быстрой смерти. В конце концов, какая честь в том, чтобы заставить его страдать, и чем это может помочь Мордрету? А с другой стороны – я викинг, я должен отомстить, я обязан, так велят боги...

Мои гневные мысли оборвались, и я отчего-то начал прокручивать ее слова о том, что «разве он недостаточно настрадался?». Тяжело выдохнув и оторвав взор от земли, я увидел Ольгерта и Скъёра, что, похоже, все это время сидели у погребального костра Мордрета. И тут мне стало отвратно от мысли, что я настолько заиклился на мысли о мести за брата, что совсем позабыл о своем брате.

– Воевода, – тут же произнесли они в один голос, как только я подошел к ним.

– Все уже давно готово, мы все же решили дожидаться тебя, – сказал Ольгерт, протягивая мне факел. Нехотя, но я все же

взял его, а после, скрепя сердце, повернулся к телу Мордрета, ища в себе причины, по которым я бы мог переложить эту ответственность на кого-нибудь из них. Ведь я точно знал, что попроси я разжечь костер Скъёра или Ольгерта, они бы мне ни за что не отказали. Но кем я буду тогда в глазах богов, в глазах Мордрета – ничтожеством!

– Делай, что должно и будь, что будет, – тихо произнес я, а после подпалил поленья с разных сторон.

Смотря на то, как языки пламени постепенно становились все больше и больше, я...я...ощущал как будто тот же огонь начинал жечь и меня самого, и чем больше разгорался погребальный костер Мордрета, тем больше во мне разгоралась лютая злоба. Заставив себя с большим трудом оторвать взор от пламени, я знал, я чувствовал, что если продолжу смотреть на него, то случится что-то, о чем я, возможно, буду жалеть. Раздался сухой треск, который вновь приковал мое внимание к огню, и я более не смог найти в себе силы отвести свой взор от пламени. И вот она мысль, громкая и кричащая, призыв к действию – совершить что-то нечеловечески жестокое. Готов поклясться всем, что у меня есть, что в тот момент я слышал шепот, голос, что взывал ко мне из того пламени.

– Отдай его, отдай его мне, – голосил он все громче и громче, затмевая собой все остальные звуки вокруг меня. Развернувшись, я спешно пошел в свой шатер. Ворвавшись, я подбежал к рыцарю и, схватив его за ногу, потянул за со-

бой. Он вопил и извивался, как змей, пока я волочил его за собой, словно соломенную куклу, к костру, что уже вовсю полыхал, а тем временем голос в моей голове перерос в крик, требующий:

– Отдай его мне!

Дотасив рыцаря до костра, я отпустил его ногу и внимательно посмотрел в его переполненные ужасом глаза, но и в них я узрел лишь огонь. Его треклятые глаза, словно зеркало, отражали языки пламени. Резким рывком я оторвал рыцаря от земли и поднял его над собой. Помню, как вокруг сбегались мои воины, они скандировали мое имя, и тогда я швырнул его прямо в огонь. Все на мгновение затихло, умолк и тот голос, что звучал до того так громко. Умолкли воины, ликовавшие мгновение назад, и раздался он – душераздирающий крик, крик рыцаря, разрывающий собой тишину. Он вопил, судорожно бултыхаясь до порванных от напряжения жил, впоследствии чего валежники стали разъезжаться и рыцарь вместе с телом Мордрета рухнули в самое пекло. Помню, как голова... обгорелая голова Мордрета упала и подкапталась к моим ногам. Его рот был распахнут, и все выглядело так, словно это он вопил в огне. Я видел всякое за всю свою жизнь, и ничто из того не ввергало меня в такой животный ужас. Лишь то, что я увидел в тот день, ужаснуло меня до мозга костей.

– Нет! Нет, нет, нет! – воскликнул я, пятась, прочь, от вопящей головы Мордрета. – Я не виноват брат, – произнес

я едва слышно.

К моему счастью выбежал из толпы Скъёр, он поднял голову Мордрета и бросил ее обратно в огонь.

– Гори, сучий сакс, гори! – веселясь, кричали воины.

Странная дрожь пробежала по всему моему телу, я словно онемел, я хотел уйти, сбежать, но из-за накатившего на меня ужаса, я не мог пошевелиться. Перед глазами стоял ужасный лик моего брата, а в ушах звучал тот проклятый вопль.

– Мордрет, Мордрем! Мордрет, Мордрем! – все кричали, не унимаясь, воины, вознося наши имена до небес.

Столь же внезапно, как и появился, ступор ушел, и я почувствовал внеземную усталость, да такую, что едва мог устоять на ногах. Медленно развернувшись, я побрел обратно в свой шатер, все еще видя перед глазами обгорелое лицо брата.

Остаток этой проклятой богами ночи я провел словно между мирами, в том состоянии, когда ты не спишь, но и не бодрствуешь, мучаешься, не зная покоя, запертый меж двух огней. Я раз за разом прокручивал те скорбные события, не в силах остановить себя, но «почему?» – вопрос без ответа, шарады в темноте.

Я столько видел, столько совершил дел чудовищных по своей мере, по своей сути. Я лицезрел смерти людей, от которых у большинства бы кровь застыла в жилах, и все эти смерти ни разу не тревожили меня, ни одна из них не лишала меня покоя и желанного сна. Что изменилось?

В какой-то момент мне почудилось, что боги все же решили сжалиться надо мной, и я провалился в сон, но в тот же момент я вновь услышал тот все проклинаящий вопль, и я вскочил в холодном поту.

– Помоги мне, Один... будь милостив и избавь меня от тех воспоминаний, – проговорил я в момент отчаяния, что овладело мной. Тяжело выдохнув и протерев, как следует глаза, я заметил ту девку, она сидела в дальнем углу шатра, украдкой поглядывая на меня.

– Ну и чего ты так смотришь на меня? – спросил ее я, усевшись поудобней.

– Как смотрю? – чуть опустив глаза, спросила она.

– Не придуривайся. Сама все знаешь. Хочешь меня в чем-то обвинить? Да?! Нет!? Вот и не смей более так смотреть на меня, не смей! – сказал я в гневе, не понимая своего состояния, в то время как ужасающий крик все еще затмевал мой рассудок.

– Кто я такая, чтобы обвинять тебя в твоих грехах? Если я и смотрела на тебя, то с сожалением, а не с осуждением, как тебе могло показаться, – все также, не поднимая глаз, ответила она.

– С сожалением?! Меня?! Ты безумна, женщина! Жалеть меня?! Лучше жалей того ублюдка, которого я запек как свинью! Себя жалей, людей своих жалей, а меня не смей! Я и глазом не моргну, перережу тебе глотку, если еще раз так посмотришь на меня! Я вас всех перережу как скот, если мне

будет так угодно, уясни это раз и навсегда, прежде чем в следующий раз надумаешь открыть свой рот и сболтнуть свои бредни! – словно безумец кричал я, подорвавшись к ней, при этом гневно бив себя кулаком в грудь. Она зарыдала, дрожа от страха предо мной, а я, увидев ее такой, почувствовал себя немного лучше, к своему нынешнему горькому стыду.

– Ответь мне на вопрос, будь добр. Ну вот ты и отомстил за своего брата. Ты сжег своего обидчика. Тебе полегчало? Быть может, это как-то повлияло на судьбу твоего дражайшего брата? Повлияло на тебя? – утерев лицо и чуть успокоившись, спросила она.

Я не ответил ей ничего, по крайней мере, вслух, наверное, потому что отвечать-то особо и нечего было.

«Мне полегчало, но лишь на мгновение. Ведь после этого я не ощущал ничего, кроме отвращения от сделанного мной. Я чувствовал себя так, словно измазался грязью, которую никак не отмыть водой».

– Да, полегчало, – солгал я ей.

– Что будет с нами, с теми, кто стал вашей добычей? Какая участь ждет всех нас?

– Мы уведем вас в свои земли, где вы будете проданы как трэллы, любому кто предложит хорошую сумму за каждого из вас. Скажу тебе так: ничего хорошего вас не ждет более, – сказал я, взяв ее за лицо, слегка подтянув к себе поближе, а после, небрежно отпустил.

«Чертова бабища. Да что с тобой не так? Любой бы на

твоём месте рвал бы уже волосы на голове от безысходности. Любой бы стал молить о милости, но только не ты. В ней что-то было, некая сила, незыблемость, которой она обладала. Сила, которая меня раздражала».

– Мне вот стало любопытно, чего это ты спросила за всех вас, а не за себя одну? Ты вся такая благочестивая, полна сострадания... Давай поступим так: попроси меня отпустить лишь тебя одну, попроси только за себя, и я отпущу тебя, куда глаза глядят. Попроси, и более того, я дам тебе нашего лучшего коня, и даже серебра накинута, и все это ты получишь, лишь попросив за себя одну.

Я видел, как она задышала, видел, как забегали ее глаза, я с восторгом и трепетом наблюдал как она, пожираемая инстинктом, рвала себя на части, разрываясь между логичным желанием выжить и между тем как поступить было правильным.

– Я... Я не могу...я просто...

– Тебя будут содержать в хлеву вместе со скотом. Тебя будут иметь все, кому только не лень, ты станешь вещью, ни живой - ни мертвой, будучи где-то посередине, словно дух.

Услышав меня, она задрожала пуще прежнего, она побледнела, в то время как я, хищник, давил и преследовал ее, ведь мне так хотелось забрать то, что было у нее – ту незыблемую чистоту, которой она обладала на зависть многим, на зависть мне.

– Лишь попроси, прошепчи, если угодно, мне на ухо, и ты

будешь вольна уйти куда захочешь...

– Отпусти, – тихо, почти шепотом произнесла она.

– Я не слышу тебя, женщина, говори громче, – самодовольно улыбнувшись, сказал я.

– Отпусти меня...

– Тебя одну? Лишь тебя и больше никого?

– Да... только меня. Отпусти, прошу. Я не хочу так жить и убить себя я не смогу, так как страшусь попасть в ад. Этого я боюсь больше всего остального, и потому отпусти меня, – перешагнув через себя, устало и смиренно попросила она.

Каждое произнесенное слово давалось ей с трудом, а я, получив, что хотел, со сладким чувством выполненного долга, принялся одеваться, позабыв обо всем, что мучило меня. Она замолкла, и не произнесла более ни слова. Собравшись и будучи у выхода, я сам, не зная отчего, произнес не менее ужасные слова, они же, по своей жестокости, ничуть не уступали тем, что я наговорил ей ранее:

– Я так и так бы дал тебе свободу. Ты смелая, этого у тебя не отнять, в отличие от твоей мнимой благочестивости, которой более у тебя нет. Я велю приготовить тебе коня и сумку, полную серебра, все это будет ждать тебя позади моего шатра. Садись и езжай, никто не посмеет остановить тебя, но покидая мой шатер, помни кто забрал у тебя то, что казалось нельзя отнять, – сказал я, перед тем как уйти.

Выйдя наружу, я увидел, что наш лагерь уже вовсю сворачивался. Каждый, словно пчелка, готовился к скорому от-

плытию. В глаза мне сразу бросился погребальный костер, а точнее то, что от него осталось. Нехотя, но я заставил себя найти взглядом черный кусок обугленного мяса, закованный в железо, который и отдаленно не напоминал бывшего человека. Если бы не его доспехи, то я бы ни в жизнь, не смог отличить его от остальных недогоревших бревен.

– В пекло! – произнес я, отведя взор в сторону.

«Надо пойти умыться, что ли. Надо пойти и смыть с себя все это... как можно скорее», – подумал я, но тут же вспомнил о девке и данном мной ей обещании. По пути к речке я встретил воина, которому и повелел приготовить лошадь и сумку серебра, чтобы он проводил её, и проследил за тем, чтобы девушка в моем шатре беспрепятственно покинула наш лагерь. Стоя на песчаном берегу, умывшись как следует, я задался вопросом, который отчего-то стал тревожить меня:

«Зачем я издевался над ней? Я на многое способен, но никогда не потешался над женщиной, я всегда презирал отца за это, а что по итогу? Стал не лучше, чем был он... Что за мысли в моей голове, да и с чего бы вдруг... Ну уж нет! Я никогда не стану таким как он!»

– Нет! – закричал я, ударив по воде ладонью, когда увидел отца в своем отражении.

Покинув берег, я отправился перекусить у костра с остальными, кто был там. Я опрокинул несколько чарок с брагой в честь Мордрета, и успешного, что немаловажно, набеге, а затем еще чарку за скорое возвращение домой. Набив

как следует брюхо, я отлучился по нужде, а уже после обратно к шатру, который требовалось бы уже свернуть, ведь все было готово к нашему отплытию до родных берегов. Подходя к своей палатке, я не придал значения тому, что лошадь с сумкой до сих пор стояла там.

«Чего эта глупая бабища ждет? Почему не уехала? Неужто хочет попрощаться или передумала? Небось решила, что лучше уж разделит участь с остальными».

– Глупая бабища, – ухмыльнувшись, произнес я, зайдя в палатку, где тут же замер от увиденного.

Она сидела все там же, где и была до моего ухода, оперевшись спиной о шатер. Безжизненным и холодным взглядом она смотрела на меня, сидя в луже собственной крови. Растерявшись, я подбежал к ней, желая помочь, но затем взял себя «в руки». Я остановился и просто продолжил смотреть на нее. У ее ног лежал шлем того рыцаря, и один из его краев был испачкан в ее крови. Видимо, тот край оказался достаточно острым, чтобы она смогла порезать себе запястье.

– Зачем, дурная? Я же отпустил тебя. Зачем?! – закричал я, но с каждым произнесенным мною словом мой голос становился лишь тише и тише. Ответ был очевиден – я вспомнил свои же слова, что и так забрал у нее все, забрал даже то, что казалось нельзя забрать – ее чистоту. Я украл ее свет, который горел в ней несмотря ни на что, я затушил его, и она заблудилась во мраке. Я лишил ее жизни. По телу вновь пробежала та же дрожь. Меня вновь прошиб холодный пот,

и я, выбежав наружу, стал затыкать себе уши, вновь услышав тот крик, крик Мордрета, его лицо...

Все уже почти было погружено на драккары и лагеря, как такового, след простыл, остался лишь мой шатер. Быстрым шагом я направился к своему драккару, на котором, к слову, мы с братом постоянно бороздили моря, имя которому было – Дамерунг.

– Воевода, а шатер? – прокричал один из воинов, указывая на него с палубы.

– В пекло его, в пекло это место, в пекло саксов. Мы отплываем, труби в рог, мы идем домой, – сказал я, поднимаясь на корабль. – Кто-нибудь, найдите мне Скьёра и Ольгерта, они плывут со мной.

Спустя немного времени парни перебрались на Дамерунг, будучи весьма взволнованными, как мне тогда показалось.

«Глупые щенки, не того вы выбрали себе героя», – подумал я, с досадой смотря на свой шатер.

– Мордрем, – странно шепелявя, обратился ко мне некто – кормчий, в котором позже я признал того самого выроodka, которому прошлой ночью я выбил зубы.

– Чего тебе, за сына поквитаться вздумал? – пренебрежительно ответил я.

– Нет, чего уж там, то было и прошло. Я перебрал браги и вел себя неподобающе, много лишнего наговорил. Я бы хотел преподнести тебе дар, – сказал он едва внятно, изменившись в лице, пока разворачивал нечто, что было замотано в

ткань. – Вот, прими это, – прошепелявил он, злобно ухмыльнувшись, протягивая мне тот самый злосчастный шлем рыцаря, весь перемазанный кровью той девушки.

– Выпущу тебе кишки при первой же возможности. Чего ты уставился на меня? Себе его оставь, – злобно процедил я, а после оттолкнул его от себя. Признаться честно, я до жути хотел убить беззубого ублюдка, но было уже нельзя – убийство его сына можно объяснить Законотворцу, а вот еще одно уже не оправдать. Наш набег закончен, он знал это, как знал и я. Убей я его сейчас, меня бы снова объявили преступником, несмотря ни на что. Но я найду повод, вот увидишь, найду.

– Не знаю, как вы, а я устал от этих мест. Я жажду вернуться в родные края, в свой теплый дом, что укрыт дерном и травой, к горячему очагу, где ждет меня семья. А чего хотите вы, хотите домой?

– Да! – тут же громко ответили воины.

– Тогда мы возвращаемся, сыны Одина. Домой, мы идем домой, – прокричал я, а после уселся на свое место, хорошенько укутавшись в медвежью шкуру, после чего, почти сразу задремал.

Глава 3. Делай, что должен и будь что будет

Мне снился хвойный лес, в котором я вырос и жил. Я стоял на опушке, что была возле дома, и, закрыв глаза, слушал шелест листьев, шелест трав. Прохладный ветер обдувал запотевший лоб, а под ногами чувствовалась сырая родная земля. Вдыхая свежий воздух полной грудью, я упорно стараюсь различать все запахи, что царили в воздухе.

– Я устал, Мордрем, давай немного передохнем, совсем чуть-чуть, – слышался звонкий голос Мордрета.

– Я тоже устал. Думаешь, не устал? Если отец увидит, что мы не тренируемся тут, он опять поколотит меня, а после и тебя, а может и матушка под горячую руку попасть и ей снова достанется, так что, давай, поднимайся, и за дело! – Тут же ответил ему я поучающе.

– Но я очень устал! Вот прям очень, вот прям устал. У меня ноги болят и руки болят, а еще ты попал мне своим топором по пальцу и теперь и он болит, очень-очень болит. Ох, мой бедный пальчик, – все никак не унимаясь, канючил Мордрет, то и дело, тыча мне в лицо свой «бедный» пальчик, смотря при этом на меня с обидой.

– Ну, к счастью, топор-то деревянный, а то нечем бы было мне тут размахивать... И нечего так смотреть на меня, я ведь

извинился, и сказал тебе, что схожу с тобой за это в лес за ягодами. Так чего же ты ноешь мне тут?

– Ой, я забыл, – вжав голову в плечи, смешно воскликнул Мордрет, забавно шепелявя без своих передних зубов, что выпали у него совсем недавно.

– Ну ты и прохиндееей, – рассмеявшись, сказал я, растрепав ему волосы на голове.

– Ничего я не прохиндей, я викинг! – воскликнул он, встав передо мной с деревянным мечом. – Я стану великим воином, когда чуть подрасту, вот увидишь, Мордрем, – сказал он, оскалившись, от чего я расхохотался пуще прежнего. – Ну чего ты смеешься? Я ведь взаправду стану, а если не стану, то, как я смогу убить его?

– Станешь, станешь, я в этом нисколько не сомневаюсь, – все еще хохоча, ответил я ему, как тут до меня, наконец, дошло сказанное им. – Постой, кого это ты собрался там убить?

– Ты сам знаешь кого, – шепотом, еле слышно ответил мне Мордрет, после того, как аккуратно осмотрелся по сторонам.

– Нет, не знаю, так о ком это ты? – не менее тихо спросил его я, хотя мне все было известно и без того.

– Отца, ненавижу его...

– Сдурел что ли?! Давай потише, чтоб тебя, – прошипел я, закрыв ему рот рукой, а после и сам стал судорожно осматриваться по сторонам. Осмотрев округу, как минимум, трижды, и окончательно уверившись в том, что мы одни, я посмотрел на Мордрета и продолжил: – Нельзя так говорить,

не делай так больше.

– Почему, почему нельзя? Но ведь это правда. Я нена...

– Тихо! Прекрати, – вновь закрыв ему рот ладонью, зашипел я, на что он начал толкать меня и всячески убирать мою руку от своего лица.

– Вот всегда ты так! – гневно воскликнул Мордрет.

– Как это так?

– Зачем защищаешь его? Он ведь совсем не любит нас, мы ему не нужны. А матушку как он колотит... Почему ты ничего не делаешь, чтобы остановить его и помочь ей? Ты ведь вон уже, какой большой. Было бы мне шестнадцать зим, я бы уж точно защитил ее! – с мокрыми от слез глазами, громко кричал Мордрет, смотря на меня со злобой.

Сказанное им очень задело меня, обидело, и я оцепенел, словно истукан. Я стоял и молча таращился на него, а он на меня, затем я разозлился и ударил его ладонью по щеке, да так сильно, что Мордрет тут же упал. В момент я осознал произошедшее, и мне стало еще хуже, чем до этого. Я быстро подошел к нему, и, опустившись рядом с ним на колени, поднял его, а затем обнял, хоть он и брыкался хуже самого строптивного жеребенка.

– Прости меня, Мордрет, я не хотел. Да будут боги мне свидетелями, я не хотел. Прости, пожалуйста, прости, мне стыдно, сам не знаю, что на меня нашло. Больно?

– Ничего не больно, – оттолкнув меня, холодно произнес он.

– Пойми же ты, я нисколько не защищаю его, не знаю, с чего ты так решил. Если я кого и защищаю тут, то тебя, душень. Вспомни, что он сделал, когда я сказал, что ненавижу его.

– На цепь посадил и поколотил тебя сильно, – виновато произнес Мордрет.

– С весны до начала осени, между прочим, я на улице в хлеву жил как скотина какая-то. А что касается матушки, то тут я...я...наверное, ты прав. Я бы мог сделать хоть что-нибудь, но уж больно боюсь его. Не подумай, я не трус какой, но отца нашего я очень боюсь, – стыдливо признался я Мордрету, а главное – себе, и мне стало очень противно от самого себя, да так, что я от чего-то ударил себя кулаком в лицо несколько раз.

– Ну чего ты себя колотишь? Я тоже его до жути боюсь, но только его и больше никого. Даже волков не боюсь. Я тоже не трус, – сказал он, обняв меня.

– Я знаю, Мордрет, знаю, – проговорил я с горечью в голосе, а после, продолжил, – домой надобно возвращаться, – тяжело выдохнув, произнес я, посмотрев на солнце, что клонилось к закату.

– Домой?

– Да, домой! – подтвердил я с прискорбием.

– А так чего-то не хочется... стой, а мои ягоды? Ты что забыл? Ты же обещал.

– Я помню, помню, но давай уже завтра. Если пойдем сей-

час, мы можем не успеть к сроку. Мы с тобой заболтались и...

– Ладно, ладно, давай завтра, но я тогда возьму твой топор, ТВОЙ топор, – словно дразня, произнес Мордрет последнее, на что я с улыбкой молча кивнул ему, после чего мы отправились с ним к дому.

Мы шли, еле волоча ноги, но совсем не от усталости, как можно было подумать, а от жгучего нежелания вернуться в отчий дом, стараясь тем самым отодвинуть момент возвращения как можно дальше, что, если вдуматься, было довольно глупо с нашей стороны, ведь как можно избежать неизбежного? Возле дома мы повстречали отца, что колол поленья один за другим.

– А вот и мои щенки, – сказал он, не отрываясь от дела. – Ну что, как поупражнялись? Надеюсь, делали все, как я учил? Ведь лучше вам сейчас изнемогая проливать пот, чем потом на поле брани пролить свою кровь, а погода стать пищей для воронов.

– Да, отец, – тут же с почтением ответил я.

– Да?! Сильно сомневаюсь. Было бы это так, то ответил бы и твой брат, а он чего-то помалкивает. Что, Мордрет, нечего сказать? Небось, опять лясы точили почем зря?

– Нет, отец, мы тренировались, как ты и велел до седьмого пота, – тут же ответил Мордрет, опустив глаза, как только отец повернулся и зыркнул на нас.

– Ну что ж, сойдемся и на том. Давайте в дом, умойтесь и

есть сядем, мать уже на стол накрыла. Ведро с водой у двери. Смотрите, не опрокиньте как в прошлый раз, не то пойдете к озеру в потемках, а там волки, там медведи, – грозно сказал отец, указав колуном в сторону Хорниндальсватнет, а после продолжил дальше колоть поленья.

Смотря на своего отца, я недоумевал, ведь наша матушка была дивным и прекрасным цветком, что была вынуждена цвести в тени этого громадного, кривого дуба. Я всегда считал, что ей не повезло больше, чем кому либо. По закону женщина была вольна уйти от мужа, она была защищена законом от его посягательств, но вся беда заключалась в том, что моя матушка была не из этих земель и обычные законы не распространялись на неё. А даже если бы и распространялись, то мы жили в лесу, в отдалении от остальных и законы поселения не распространялись на нас. Так ей сказал Законотворец, когда она однажды, все же решила уйти от отца, забрав меня и младенца Мордрета, бежав с нами прочь, ища хоть толику справедливости и спасения от нескончаемой злобы мужа. Потеряв всякую надежду, она была вынуждена вернуться обратно к нему, но как бы то ни было, матушка часто рассказывала нам, что он не всегда был таким, раньше он был жесток, но лишь по отношению к остальным и никогда к ней. Но затем он просто изменился, его все чаще стала мучить нестерпимая головная боль, а затем он, словно в один день стал холодным и жестоким ко всему. Мать считала, что он был чем-то болен и чем старше он становился, тем

меньше было в нем от «нормального Торальда». Она рассказывала мне: «Раньше он хоть редко, но смеялся, я помню, что он смеялся от радости, когда тебя привели в этот мир, но затем с ним что-то случилось, и он уже более не смеялся никогда, а его любовь сменилась ненавистью».

Ужин проходил в довольно суровом молчании, Впрочем, как и всегда. Все мы сидели, опустив глаза в свои тарелки, все, кроме отца. Он наоборот смотрел на всех довольно внимательно, если не пристально, словно волк, который выжидает удобного момента вцепиться в твою глотку.

– Чего это вы такие смурные, а, сыновья? Все молчите и молчите. Я уже третий день как дома, третий день как я вернулся с набегов, а вы будто не рады этому. Словом со мной лишний раз не обмолвитесь, взглянуть боитесь на меня, особенно когда я говорю с вами! От чего вы так?! – стукнув кулаком по столу, прикрикнул он. – У меня складывается впечатление, будто вы не рады моему возвращению! – все более гневно говорил отец, смотря на всех со звериным блеском в глазах.

– Они рады, рады, Торальд, просто они устали, вот и молчат. Мы благодарим всех богов, что вернули тебя живого и невредимого, – с улыбкой произнесла матушка, подливая браги в чарку отца, с улыбкой, за которой прятался лишь страх перед ним.

– Боги тут не при чем, женщина, ты, что это себе тут думаешь? Ты думаешь, что боги быются за меня?! Думаешь,

благодаря их защите я выживаю там, где иные бы не смогли? Думаешь, я не способен выжить на поле боя без помощи богов? Ты это хочешь сказать?! Или что там еще в твоей дурной башке?!

– Нет, нет, Торальд, я не то имела в виду, я лишь хотела сказать...

– Что!? Что ты там хотела сказать? Чему ты здесь их учишь, пока меня нет?! Учишь их, как ненавидеть меня, как ненавидеть своего отца?! Чему ты здесь их учишь, змея?! – злобно процедил отец, поднимаясь из-за стола.

– Торальд...Торальд, прошу, успокойся, – дрожа сквозь слезы, еле слышно выдавила из себя матушка.

В этот момент меня самого затрясло от ужаса, и я снова оцепенел. Словно заговоренный я смотрел в пустую тарелку, что стояла передо мной. Затем раздался хлесткий шлепок и сильный грохот, матушка рухнула на пол. Смелости и отваги в Мордрете оказалось куда больше, чем было во мне, ведь в тот же миг как матушка упала, Мордрет вскочил со своего стула и, обежав стол, кинулся с кулаками на отца.

– Не смей трогать ее! Не смей! Ненавижу тебя, ненавижу! – яростно кричал мой младший брат, рыдая при этом, нанося удар за ударом в живот и ноги отца, в тот момент, пока я просто продолжал сидеть, как ни в чем не бывало, так, словно ничего и не происходит.

Какое-то время отец просто стоял и смотрел на Мордрета со странной улыбкой, никак не реагируя на него, но затем он

поднял его «за шкирку», выставив его перед собой, словно тот ничего и не весил.

– Ненавидишь меня? Ну, ничего, и это чувство меня вполне устраивает. Успокойся, чтоб тебя. Перестань трепыхаться, не то избыю тебя до кровавых синяков! – встряхнув Мордрета как следует, закричал отец. Затем он посмотрел на меня, а после спросил: – Ну а что ты, Мордрем, тоже ненавидишь меня или как?

– Нет, отец, я бы не посмел. Я почитаю тебя, как и положено всякому сыну, – со страху выдал я.

– Хах! Вот сказал, так сказал, молодец! Хотя это и ложь, но все равно молодец, Мордрем, хвалю. А теперь поднимись и принеси мне соли морской, надобно насыпать ее в том углу, ведь мой младший сын отныне наказан и он будет стоять на соли до тех пор, пока либо не научится любить и уважать своего отца, либо пока не научится лгать также искусно как ты, Мордрем. – Говорил он, все также держа пред собой Мордрета в вытянутой руке, внимательно смотря при этом то на меня, то на него. Услышав его просьбу, я тут же подорвался из-за стола, и судорожно стал искать ту чертову соль по дому, хотя я прекрасно знал, что в доме ее нет. Она была рядом с мясом в землянке, что за домом.

Не бояться отца было попросту невозможно. Помню, как однажды пролил его брагу, когда он был не в духе, он попросил матушку дать ему прут или что еще, чтобы наказать меня. Матушка тогда, немного побродив по дому, сделала вид,

что ничего такого в доме нет, а если и было бы, она бы спря-
тала, ведь больше ее страха перед ним, была лишь любовь к
нам, ее сыновьям. Таким нехитрым способом она пыталась
оградить нас от его жестокости, но услышав от нее, что она
ничего не может найти, отец недолго думая схватил древко
от метлы и отходил меня им как следует, а после и ее, да так,
что ни она, ни я не могли ходить наверно с неделю. И вот
теперь я словно последний олух судорожно мечусь от угла к
углу, ища то, чего тут нет, рискуя впасть в его немилость. Я
ничего не делал, потому что попросту не мог, я не мог... хо-
тя слышал плач, как матушки, так и Мордрета. Сердце лихо-
радочно колотилось в груди, а мысли мимолетно сменялись
одна за другой, но затем произошло нечто немыслимое, то,
что казалось, не могло попросту произойти. Во мне что-то
надломилось, это было похоже на то что, мой страх, достиг-
нув своего апогея, взял и обрушился под собственным вели-
чием, рухнув куда-то вниз, в глубины меня самого, в бездну,
из которой он однажды и пришел ко мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.